
Безопасность переоценена.
Антижизнь.

Василий Румянцев

Безопасность переоценена. Антижизнь.

https://litres.ru/75021709
SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывается за антипрививочным заговором? От куда берётся зло? Жаль ли злодеев?

Василий Румянцев
Безопасность переоценена. Антижизнь.

Глава 1. Задача

Утро началось с запаха кофе и голоса Эмили.

Она стояла у стола на цыпочках, пытаясь дотянуться до банки с вареньем, и напевала что-то бессвязное — три ноты, повторяющиеся по кругу. Ей было четыре. Она ещё не умела петь, но очень старалась. Роберт сидел напротив, с газетой в руках, и делал вид, что читает. На самом деле он смотрел на неё. На её пальцы, которые хватали воздух в сантиметре от банки. На её лоб, нахмуренный от усердия. На её упрямство, которое она унаследовала от него.

— Помочь? — спросил он.

— Я сама.

Мэгги вошла из кухни с тарелкой оладий. Она была в халате, с распущенными волосами, и, несмотря на раннее утро, уже выглядела так, будто всё под контролем.

— Эмили, дай папе помочь.

— Я сама.

— Упрямая, — сказала Мэгги и поставила тарелку на стол. — Вся в тебя.

Роберт улыбнулся. Это было правдой. Эмили была его отражением — то же упрямство, та же настойчивость, та же привычка не сдаваться, даже когда всё против. Он смотрел на неё и думал: если бы он мог остановить время, он остановил бы его сейчас. В этой кухне. С этими оладьями. С этой банкой варенья, до которой она всё-таки дотянулась — сама, с четвёртой попытки.

— Видишь? — сказала она, торжествующе глядя на него.

— Вижу, — ответил он. — Ты у меня молодец.

Он действительно так думал. В свои двадцать девять Роберт Хейл считал себя счастливым человеком. У него была жена, которую он любил. Дочь, которая была смыслом. Работа, которая была призванием. Он не был богат. Он не был знаменит. Но он был нужен. А это, как он считал, важнее всего.

В ЦРУ он приехал к девяти. Здание в пригороде Вашингтона — серое, невзрачное, ничем не отличающееся от сотен других административных коробок. Именно таким оно и должно было быть. Роберт припарковался на дальнем конце стоянки, как всегда — привычка, выработанная годами. Он не любил, когда его машину видели у входа. Он вообще не любил, когда его видели. В его отделе это считалось хорошим тоном.

Отдел психологических операций занимал третий этаж. Никаких табличек на дверях, никаких указателей. Только коридор, несколько кабинетов и комната для совещаний в

конце. Роберт прошёл мимо секретаря — женщины лет пятидесяти с усталым лицом и папкой в руках. Она кивнула ему, не поднимая глаз. Он кивнул в ответ. Так они общались годами.

В комнате для совещаний уже собрались. Трое мужчин в костюмах, двое в рубашках без пиджаков. Кофе в бумажных стаканчиках. Пепельница, полная окурков. Окна задёрнуты шторами. Кондиционер гудел, но не справлялся — в комнате было душно.

— Хейл, — сказал один из них, высокий, седой, с папкой под мышкой. — Садись. Мы тебя ждали.

Роберт сел. Он знал этого человека — Фрэнк Дуглас, начальник отдела. Жёсткий, неразговорчивый, из тех, кто не тратит слов зря. Говорили, что он работал ещё при Эйзенхауэре. Может, и правда.

— У нас проблема, — начал Дуглас. — И вы все её знаете. Советы давят. Куба, Вьетнам, Берлин. Мы тратим миллиарды на оборону, но толку мало. Они не отступают. Они лезут дальше. И мы не можем воевать с ними напрямую — слишком дорого. Слишком опасно. Нужно что-то другое.

Он обвёл взглядом присутствующих.

— Что-то, что ослабит их изнутри. Без танков. Без бомб. Без солдат. Что-то, что заставит их сомневаться. Бояться. Тратить силы на внутренние проблемы, а не на внешние. Вопрос: что это может быть?

Тишина. Один из мужчин, молодой, в очках, поднял руку:

— Пропаганда? Мы уже это делаем. Радио «Свобода», листовки...

— Делаем. Но недостаточно. Они глушат радио. Они ловят наших агентов. Нужно что-то, что они не смогут заглушить. Что-то, что будет работать само.

Дуглас обвёл взглядом присутствующих. Никто не спешил отвечать. Роберт тоже молчал. У него не было готовой идеи. Он просто слушал. Это была его работа — слушать, анализировать, находить слабые места. Но сегодня слабых мест видно не было. Советы казались монолитом. Их экономика росла. Их армия крепла. Их народ, как писали в отчётах, был доволен. Или запуган. Что, в сущности, одно и то же.

— Хейл? — Дуглас посмотрел на него. — Ты у нас аналитик. Ты читал их прессу, их научные журналы, их внутренние отчёты. Что скажешь?

Роберт помолчал. Потом сказал:

— У них нет слабых мест, сэр. По крайней мере, явных. Экономика работает. Армия сильна. Народ... народ верит. Или делает вид, что верит. Мы можем давить на диссидентов, но это капля в море. Мы можем поддерживать оппозицию, но её почти нет. Мы можем сеять слухи, но слухи не меняют систему. Они просто проходят мимо.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю думать. Пока не появится что-то, за что можно зацепиться.

Дуглас кивнул. Он не выглядел разочарованным. Скорее, задумчивым.

— Хорошо. Думай. У тебя есть время. Все свободны.

Домой он вернулся к семи. Эмили уже спала — Мэгги уложила её после ванны. На кухне пахло чем-то тёплым, сытным. Мэгги сидела за столом с книгой, но, увидев его, отложила.

— Поздно, — сказала она.

— Совещание.

— Опять?

— Да. — Он сел напротив. — Прости.

Она посмотрела на него внимательно. Мэгги всегда видела его насквозь. Это было и благословением, и проклятием.

— Ты выглядишь... странно, — сказала она.

— Устал.

— Нет. Не устал. Что-то другое.

Он не ответил. Не мог. Он не хотел врать ей, но и правду сказать не мог. Слишком рано. Слишком опасно.

— Роберт, — позвала она.

— Да?

— Ты знаешь, что я тебя люблю?

Он поднял на неё глаза. В её взгляде была теплота. И тревога. Она что-то чувствовала. Может, интуиция. Может, просто женское чутьё. Он взял её за руку.

— Знаю. Я тоже тебя люблю.

— Тогда всё хорошо?

— Всё хорошо.

Он соврал. Впервые за долгое время. И сам этого не заметил.

Ночью он не спал. Лежал, глядя в потолок, и думал. О Эмили. О её смехе. О том, как она дотянулась до банки с вареньем. О том, что он сделает всё, чтобы она никогда не узнала, чем занимается её отец.

Он думал о Мэгги. О её глазах. О её тревоге. О том, что рано или поздно она всё поймёт. И тогда — что?

Он думал о работе. О проблеме, которую не мог решить. О том, что где-то есть слабое место, которое он не видит. Он был аналитиком. Он умел находить слабые места. Но здесь — не находил. Пока.

Он просто лежал в темноте и слушал дыхание Мэгги. Ровное. Спокойное. Он думал: если бы я мог остановить время, я остановил бы его сейчас. В этой комнате. С этими людьми. С этим незнанием.

Но время не останавливается. Оно просто идёт. И уносит всё за собой.

Глава 2. Эмили

Всё началось с температуры.

В четверг вечером Эмили была вялой. Она не бегала по гостиной, не пела свои три ноты, не тянулась к банке с вареньем. Она сидела на диване, прижавшись к Мэгги, и говори-

ла, что ей холодно. Мэгги потрогала её лоб и нахмурилась.

— Тридцать восемь и два, — сказала она. — Наверное, простуда.

Роберт отложил газету. Он смотрел на дочь — на её бледное лицо, на то, как она кутается в плед, хотя в комнате было тепло. Что-то внутри сжалось. Он не знал что. Просто сжалось.

— Вызвать врача? — спросил он.

— Завтра. Если не спадет.

Температура не спала. К утру она была тридцать девять и пять. Эмили не плакала — она просто лежала, глядя в потолок, и её глаза были мутными. Мэгги сидела рядом, держала её за руку и не отпускала. Роберт звонил врачу. Тот сказал: приезжайте.

В больнице было людно. Слишком людно для обычного утра. В коридорах стояли люди с детьми на руках. Кто-то кашлял, кто-то плакал. Медсёстры бегали, не глядя по сторонам. В воздухе пахло лекарствами и страхом.

Врач — молодой, уставший, с кругами под глазами — осмотрел Эмили быстро. Слишком быстро, как показалось Роберту.

— Это не простуда, — сказал он. — Это инфекция. Что-то вроде кори. У нас вспышка. Вы не вакцинированы?

— Мы собирались, — сказала Мэгги. — Но она болела. Мы отложили.

Врач нахмурился. Он не сказал ничего плохого. Просто

записал что-то в карту и велел ждать. Ждать. Роберт ненавидел это слово. Он сидел на неудобном стуле в коридоре и смотрел, как мимо проходят люди. Он был аналитиком. Он умел видеть системы. А здесь системы не было. Был хаос. Была больница, переполненная детьми. Была болезнь, которая шла по городу, и никто не знал, откуда она взялась.

Эмили положили в палату. Мэгги осталась с ней. Роберт вышел в коридор и позвонил на работу. Сказал, что не придёт. Дуглас ответил коротко: «Понял. Держи в курсе». И повесил трубку.

Он вернулся в палату. Эмили спала. Мэгги сидела рядом, глядя на неё. В палате было тихо. Только писк приборов и чьи-то шаги за дверью.

— Она поправится, — сказал Роберт.

Мэгги не ответила. Она просто держала дочь за руку.

К вечеру Эмили стало хуже. Температура поднялась до сорока. Она начала задыхаться. Врачи прибежали, засуетились, подключили кислород. Роберт стоял у стены и смотрел. Он не понимал, что происходит. Он не понимал, почему его дочь, которая ещё вчера тянулась к банке с вареньем, теперь лежит с трубкой в носу и не может дышать.

Врач подошёл к нему. Лицо у него было серым.

— У неё осложнение, — сказал он. — Пневмония. Мы делаем всё, что можем. Но... она очень слабая. Мы не успели её вакцинировать. Если бы прививка была сделана раньше...

Он не договорил. Роберт понял.

— Она умрёт?

Врач молчал. Потом сказал:

— Мы боремся.

Роберт вернулся в палату. Мэгги посмотрела на него. В её глазах был вопрос. Он не ответил. Он просто сел рядом и взял Эмили за другую руку. Её ладонь была горячей. Слишком горячей. Он держал её и смотрел на лицо дочери. На её ресницы. На её губы, которые шевелились, будто она что-то говорила. Но она не говорила. Она просто дышала. Тяжело. С трудом.

Он просидел так всю ночь. Мэгги — рядом. Они не разговаривали. Слова были не нужны. Или их не было. Иногда он вставал, подходил к окну, смотрел на город. Город спал. Город не знал. Город жил своей жизнью, а в этой палате умирала его дочь.

К утру Эмили перестала дышать.

Врачи пытались. Они делали что-то, кричали, бегали. Роберт стоял у стены и смотрел. Он видел, как они качают её грудь. Как они что-то вводят в вену. Как они смотрят на приборы. А потом всё стихло. Врач выпрямился. Посмотрел на часы. Сказал:

— Время смерти — шесть сорок две.

Мэгги закричала. Это был не крик — вой. Так воют звери, когда теряют детёныша. Роберт не закричал. Он стоял и смотрел. На тело дочери. На её лицо. На её руки, которые больше не тянулись ни к чему.

Он не плакал. Он не мог. Внутри было пусто. Как будто что-то вырвали с корнем. Оставили дыру. И в эту дыру медленно, капля за каплей, начала стекать ярость.

Похороны были через три дня. Мэгги не выходила из спальни. Роберт занимался всем сам: гроб, кладбище, цветы, приглашения. Он делал это как робот. Без эмоций. Без слов. Просто выполнял протокол. Люди приходили, говорили что-то. Он кивал. Не слышал. Не хотел слышать.

На кладбище он стоял у могилы и смотрел, как гроб опускают в землю. Эмили. Его Эмили. Четыре года. Она так и не научилась петь. Так и не дотянулась до той банки с вареньем на верхней полке. Так и не увидела мир, который он хотел для неё сделать лучше.

Он не плакал. Мэгги плакала. Роберт — нет. Он смотрел на землю и думал: почему? Не «почему она умерла». А «почему мир так устроен». Почему дети умирают от болезней, которые можно предотвратить? Почему вакцины не делают вовремя? Почему система, которая должна защищать, не защищает?

Он не находил ответа. И в этой пустоте начинало что-то расти. Что-то холодное. Что-то расчётливое.

После похорон Мэгги замкнулась. Она почти не разговаривала. Сидела в комнате Эмили, держала её игрушки, смотрела в стену. Роберт не знал, как её вытащить. Он не знал, как вытащить себя.

Он вернулся на работу через неделю. Дуглас не сказал ничего. Просто кивнул. Молча. В его кабинете было тихо. Роберт сел за стол, открыл папку с отчётами. Он смотрел на цифры, но видел лицо Эмили. Видел трубку в её носу. Видел, как она задыхается.

Он закрыл папку. Встал. Подошёл к окну. За стеклом был город. Люди ходили по улицам. Дети играли. Кто-то смеялся. Они не знали. Они не знали, что где-то в этом городе умерла девочка. Что где-то есть отец, который держал её за руку и не мог ничего сделать.

И в этот момент что-то щёлкнуло.

Он вспомнил. Вспышка кори. Больница, переполненная детьми. Врач, который сказал: «Вы не вакцинированы». И ещё — он читал в отчётах. В СССР были вспышки. Были эпидемии. И люди там тоже боялись. Тоже сомневались. Тоже отказывались от прививок. Это было. Это уже происходило.

А что, если... усилить?

Он сел обратно за стол. Взял ручку. Начал писать. Не план — просто мысли. Хаотичные, злые, быстрые. Что, если посеять страх? Что, если заставить людей бояться вакцин? Что, если они перестанут вакцинироваться? Тогда начнутся вспышки. Эпидемии. Государство будет тратить силы на борьбу с ними. А мы — смотреть. Мы будем смотреть, как они задыхаются. Как они теряют детей. Как они плачут у могил.

Он остановился. Посмотрел на лист. На свой почерк. На то, что написал. Это было чудовищно. Это было бесчеловечно. Это было... гениально.

Он отложил ручку. Закрыл глаза. Перед ним стояло лицо Эмили. Не мёртвой — живой. Той, что тянулась к банке с вареньем. Той, что говорила: «Я сама». Он смотрел на неё и думал: если бы кто-то остановил болезнь раньше. Если бы кто-то ударил по системе, которая позволила ей умереть. Если бы кто-то сделал так, чтобы другие отцы не сидели у постели своих дочерей и не смотрели, как они уходят.

Он открыл глаза. Взял лист. Сложил его. Убрал в карман. И пошёл домой.

Мэгги сидела на кухне. Перед ней стояла чашка чая. Остывшего. Она не пила. Просто смотрела.

— Я знаю, что ты что-то задумал, — сказала она, не поднимая глаз.

Роберт остановился в дверях.

— С чего ты взяла?

— Ты вернулся другим. Ты не плакал. Ты не говорил. Ты просто... что-то делал. Я вижу.

Он молчал.

— Роберт. — Она подняла на него глаза. В них была боль. И страх. — Что бы ты ни задумал — не делай. Не надо. Это не вернёт её.

— Я знаю.

— Тогда что?

Он не ответил. Он просто стоял и смотрел на неё. На женщину, которую любил. На мать своей дочери. На человека, который был рядом, когда всё рушилось.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я что-то сделаю. Я не могу иначе.

Он вышел. Мэгги осталась на кухне. Она смотрела ему вслед. И в её глазах было что-то, чего он не заметил. Что-то, что говорило: я тебя теряю. И я не знаю, как тебя вернуть.

А Роберт шёл по улице и думал. О Эмили. О вакцинах. О страхе. О том, что мир, который убил его дочь, должен заплатить. Он не знал, как. Он не знал, когда. Но он знал, что сделает это. Потому что иначе — зачем? Зачем он живёт? Зачем дышит? Зачем смотрит на этот мир, который позволяет детям умирать?

Он вернулся домой поздно. Мэгги спала. Или делала вид. Он прошёл в кабинет, сел за стол, достал лист. Посмотрел на свои записи. Потом взял ручку и начал писать снова. Уже не хаотично. Уже по плану. Он писал до утра. И когда первый луч солнца упал на стол, он понял: это будет его главное дело. Не защита. Не месть. А то, что заставит мир содрогнуться.

Он просто писал. А за окном вставало солнце. И мир, который убил Эмили, ещё не знал, что его ждёт.

Глава 3. Теория

Похороны были в среду. Дождливую, серую, промозг-

лую. Как будто небо тоже знало, что хоронить четырёхлетнюю девочку — это противоестественно, и плакало вместе с людьми. Роберт стоял у могилы, держал Мэгги за руку и смотрел, как гроб опускают в землю. Он не чувствовал ничего. Только холод. Холод в пальцах, в груди, в голове. Как будто его самого закопали вместе с Эмилями.

Люди подходили, говорили какие-то слова. Соседи, коллеги, дальние родственники, которых он не видел годами. Кто-то жал руку. Кто-то обнимал. Кто-то плакал. Роберт кивал. Не слышал. Не хотел слышать. Он смотрел на Мэгги — на её лицо, застывшее, как маска, на её глаза, в которых не было слёз, только пустота. Она не плакала на людях. Она плакала ночью, когда думала, что он спит. Он не спал. Он слышал. Но не подходил. Не знал, что сказать. Не знал, как утешить. Потому что сам не мог утешиться.

После похорон они вернулись домой. Дом встретил их тишиной. Той самой тишиной, которая бывает только в жилищах, где умер ребёнок. Игрушки Эмили всё ещё лежали в углу гостиной. Её чашка стояла на полке. Её куртка висела на крючке у двери. Никто не убрал. Ни у кого не было сил.

Мэгги прошла в спальню и закрыла дверь. Роберт остался в гостиной. Он сел в кресло. Посмотрел на игрушки. На чашку. На куртку. И почувствовал, как внутри что-то поднимается. Медленно. Из глубины. Как вода в затопленном подвале.

Он не плакал. Не мог. Но он чувствовал. Ярость. Не на

бога. Не на судьбу. На мир. На систему. На людей, которые говорили «соболезнуем» и уходили. На врачей, которые не успели. На всех, кто жил дальше, как будто ничего не случилось. На себя — за то, что не настоял на вакцинации раньше. За то, что отложил. За то, что поверил, что всё будет хорошо.

Он встал. Прошёл в кабинет. Закрыл дверь. Сел за стол. И начал писать.

Он писал всю ночь. Не план — просто мысли. Вопросы. Ответы. Он был аналитиком. Он умел раскладывать сложное на части. И сейчас он раскладывал свою боль. На злость. На вину. На пустоту. И где-то между ними, в трещинах, прорастала идея.

Что, если ударить по вере? По главной вере советского человека — в медицину, в государство, в науку. Что, если заставить их бояться? Не войны. Не голода. А того, что должно защищать. Вакцин. Прививок. Уколов, которые делают детям, чтобы они не болели. Что, если они начнут отказываться? Что, если страх перед вакциной станет сильнее страха перед болезнью?

Он отложил ручку. Посмотрел на написанное. Это было чудовищно. Он это понимал. Он не был наивным. Он знал, что за этим стоят детские жизни. Жизни таких, как Эмили. Но в этом и был смысл. В этом была его боль. Он хотел, чтобы они почувствовали то же, что чувствует он. Чтобы они сидели у постели своих детей и смотрели, как те угасают. Чтобы они хоронили. Чтобы они кричали. Чтобы они знали.

Он не верил в то, что писал. Он не верил, что прививки — зло. Он сам вакцинировался. Он хотел вакцинировать Эмили. Но он знал, что другие поверят. Люди верят в то, во что хотят верить. Особенно когда боятся. Особенно когда им говорят, что есть враг. А враг — вот он. В шприце. В белом халате. В государственной программе.

Он снова взял ручку. И начал писать чистовой вариант.

Утром он побрился. Надел чистую рубашку. Посмотрел на себя в зеркало. Лицо было серым. Глаза впали. Но внутри — внутри было что-то другое. Что-то собранное. Что-то готовое. Он не знал, что скажет Дуглас. Не знал, как отреагирует. Но он знал, что должен попробовать.

Мэгги спала. Или лежала с закрытыми глазами. Он не стал её будить. Просто прошёл мимо спальни, тихо, как вор. На кухне выпил стакан воды. Посмотрел на чашку Эмили на полке. Не убрал. Не мог.

В ЦРУ он приехал к девяти. Дуглас был в кабинете — один, с папкой, с чашкой кофе. Увидев Роберта, он поднял бровь. Не сказал ничего. Просто ждал.

— У меня есть идея, — сказал Роберт.

— Садись.

Он сел. Достал из папки листы. Разложил на столе. Дуглас смотрел. Молча. Долго. Потом взял один лист. Прочитал. Отложил. Взял второй. Третий. Роберт ждал. В комнате было тихо. Только кондиционер гудел. И где-то за стеной кто-то печатал на машинке.

— Это... — начал Дуглас. Остановился. Подыскивал слово. — Это сильно.

— Это работает, — ответил Роберт. — Я проверил. Я читал их прессу. Их научные журналы. У них есть страх перед прививками. Он есть везде. В любой стране. Просто он подавлен. Они верят врачам. Верят государству. Но если дать этому страху голос — он вырастет. Он станет сильнее. И тогда они начнут отказываться. А если они начнут отказываться — начнутся вспышки. Эпидемии. Им придётся тратить силы на внутренние проблемы. А мы будем смотреть.

Дуглас откинулся на спинку стула. Он смотрел на Роберта внимательно. Как смотрят на человека, который только что сказал что-то очень важное. Или очень опасное.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он.

— Понимаю.

— Дети. Женщины. Старики. Они будут умирать. Не от войны. От болезней. Которые можно предотвратить.

— Знаю.

— И ты готов это сделать?

Роберт помолчал. Перед глазами стояло лицо Эмили. Не мёртвой — живой. Той, что тянулась к банке с вареньем. Той, что говорила «я сама». Он смотрел на неё и думал: если бы кто-то сделал это с нами. Если бы кто-то заставил нас бояться. Мы бы тоже хоронили. Мы бы тоже плакали. Но мы бы знали, что кто-то заплатил. Кто-то ответил.

— Готов, — сказал он.

Дуглас кивнул. Медленно. Потом сказал:

— У нас есть другой проект. Аналитик по имени Говард Стил. Он предлагает работать через пропаганду и политиков. Классический подход. Но твоя идея... она другая. Она глубже. Она не про политику. Она про страх. А страх — это надёжнее.

— Вы утвердите?

— Я подумаю. — Дуглас сложил листы в папку. — Но не надейся на быстрое решение. Это слишком серьёзно. Слишком опасно. Если что-то пойдёт не так — мы все окажемся под судом.

— Я понимаю.

— Тогда иди. И никому. Ни одной живой душе.

Роберт встал. Пошёл к двери. В дверях обернулся:

— Спасибо, сэр.

Дуглас не ответил. Он смотрел на папку. На листы. На то, что только что прочитал. И в его глазах было что-то, чего Роберт не заметил. Что-то похожее на страх. Или на сожаление. Или на понимание, что назад дороги нет.

Домой он не поехал. Не мог. Не хотел видеть игрушки. Не хотел видеть Мэгги. Не хотел слышать тишину. Он поехал в парк. Сел на скамейку. Смотрел на детей, которые играли на площадке. На отцов, которые качали их на качелях. На матерей, которые смеялись. Он смотрел и думал: вы не знаете. Вы не знаете, что будет. Вы не знаете, что кто-то решил, что ваши дети — это цена. И этот кто-то — я.

Он просидел в парке до темноты. Потом поехал домой. Мэгги сидела на кухне. Перед ней стояла чашка чая. Остывшего. Она не пила. Просто смотрела в стену.

— Где ты был? — спросила она, не поворачиваясь.

— Работал.

— Над чем?

Он не ответил. Мэгги повернула голову. Посмотрела на него. Долго. Внимательно. Как будто видела впервые.

— Ты что-то скрываешь, — сказала она.

— Мэгги...

— Не ври мне. Я тебя знаю. Я знаю тебя двадцать лет. Ты что-то задумал. И это что-то — плохое.

Он молчал.

— Роберт. — Она встала. Подошла. Взяла его за руку. — Что бы это ни было — остановись. Пока не поздно. Не надо. Она не вернётся. Ничто её не вернёт.

Он смотрел на неё. На женщину, которую любил. На мать своей дочери. На человека, который был рядом, когда всё рушилось. Он хотел сказать ей правду. Хотел сказать: «Я не могу остановиться. Я должен. Я не знаю, как иначе». Но он не сказал. Он просто высвободил руку.

— Я устал, — сказал он. — Пойду спать.

Он ушёл в спальню. Лёг. Закрыл глаза. И не спал. Он лежал и думал о том, что сказала Мэгги. «Остановись. Пока не поздно». Он знал, что поздно. Он знал, что перешёл черту.

И назад дороги нет. Только вперёд. В темноту. В страх. В то, что он сам создал.

А Мэгги осталась на кухне. Она сидела и смотрела на чашку Эмили. На её маленькую чашку с мишкой. И в её глазах были слёзы. Первые слёзы с похорон. Она плакала не о дочери. Она плакала о муже. Потому что понимала: он уходит. Куда-то, куда она не может за ним пойти. И, может быть, не хочет.

Глава 4. Конкурент

Через неделю Дуглас вызвал его снова.

Роберт вошёл в кабинет и сразу понял: что-то изменилось. Дуглас был не один. За столом сидел ещё один человек — сухой, в очках, с папкой. Он не представился. Просто кивнул и продолжил что-то писать. Роберт сел напротив. Ждал.

— Твоя идея утверждена, — сказал Дуглас. — Частично.

— Частично?

— Да. Мы запускаем программу. Но не только твою. Есть второй проект. Аналитик по имени Говард Стил. Ты его не знаешь. Он работает в другом отделе. Его план — пропаганда, поддержка оппозиции, работа с диссидентами. Классика. Мы утвердили оба.

Роберт смотрел на него. Молча.

— Ты не рад? — спросил Дуглас.

— Я рад, что мой план утверждён. Не понимаю, зачем вто-

рой.

— Затем, что мы не можем ставить всё на одну лошадь. Если твой план не сработает — у нас останется его. Если его не сработает — останется твой. Это страховка.

— А если они будут мешать друг другу?

— Не будут. Вы будете работать параллельно. Не пересекаясь. Ты — с вакцинами. Он — с политикой. Разные сферы. Разные методы. Но одна цель.

Роберт кивнул. Он не был убеждён. Но спорить не стал. Он знал, как работает система. Если ты споришь слишком много — тебя убирают. Он не хотел, чтобы его убрали.

— Кто такой Стил? — спросил он.

— Аналитик. Тридцать пять лет. Работает в отделе пропаганды. Хороший послужной список. Умный. Осторожный. Его план считается более... традиционным. Начальство ему доверяет.

— А моему?

— Твоему — тоже. Иначе бы не утвердили. Но ты должен понимать: ты — новичок. Он — проверенный. Если что-то пойдёт не так, спросят с тебя.

Роберт понял. Это был не просто конкурент. Это был страховочный вариант. Если его план провалится — виноват будет он. Если план Стила провалится — виноват будет Стил. Но, если оба сработают — лавры достанутся тому, кто ближе к начальству. А это был не он.

— Я могу с ним встретиться? — спросил он.

— Нет. Так будет лучше. Вы не должны знать друг друга. Если что-то случится — вы не сможете друг друга выдать. Это стандартная практика.

Роберт кивнул. Он понял и это. Разделение. Изоляция. Каждый сам за себя. Так работала система. Так было всегда. Он не должен был удивляться.

— Что мне нужно делать? — спросил он.

— Работать. Ты получаешь ресурсы: людей, деньги, каналы. Ты начнёшь с Европы. Там больше свободы. Там легче сеять слухи. Если сработает — перейдём к другим регионам. Если нет — закроем проект. У тебя год.

— Год?

— Год. Потом посмотрим.

Роберт встал. Дуглас протянул ему папку.

— Здесь всё. Каналы связи, контакты, бюджет. Изучи. Завтра начнёшь.

Роберт взял папку. Пошёл к двери. В дверях обернулся:

— А Стил? Он уже начал?

— Да. Он начал раньше. У него уже есть результаты.

Роберт вышел. В коридоре он остановился. Прислонился к стене. Закрыл глаза. Голова гудела. Он получил то, что хотел. Но вместе с этим — соперника. Человека, который уже впереди. Человека, которого он не видел. Не знал. Но который теперь был частью его жизни. Частью его работы. Частью его будущего.

Он открыл папку. Пробежал глазами по документам. Име-

на, адреса, суммы. Всё было готово. Всё было продумано. Оставалось только начать.

Домой он вернулся поздно. Мэгги сидела в гостиной. Смотрела телевизор. Какой-то фильм. Чёрно-белый. Она не смотрела — просто смотрела в экран. Как будто там было что-то важное. Но там ничего не было. Просто картинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.